

ДЕБЮТ

Научная статья
УДК 101.1(470+571)
DOI: 10.46724/NOOS.2026.1.75-79

К. А. Бовыкин

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ МИСТИЦИЗМ КАК ВОЗМОЖНОЕ ЛИЧНОСТНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ СЦИЕНТИЗМА

Аннотация. В статье рассматривается феномен интеллектуального мистицизма как возможного этапа развития научного мировоззрения. Автор проводит сравнительный анализ сциентизма и интеллектуального мистицизма, выявляя их общую основу — «этос преклонения перед Разумом». Основное различие усматривается в методах познания: если классический сциентизм опирается на позитивистскую наглядность, измеримость и воспроизводимость, то интеллектуальный мистицизм возникает при углублении в ненаблюдаемые области (квантовая физика, теоретическая математика), где познание опирается на интуицию, умозрительные конструкции и абстрактное мышление. Делается вывод, что интеллектуальный мистицизм может стать личностным продолжением сциентизма, позволяя ученому сохранить научность, но дополнить ее возвышенным, философским взглядом на устройство реальности.

Ключевые слова: интеллектуальный мистицизм, сциентизм, Разум, познание, мировосприятие, математический платонизм.

Ссылка для цитирования: Бовыкин К. А. Интеллектуальный мистицизм как возможное личностное продолжение сциентизма // Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 75—79.

Original article

К. А. Bovykin

INTELLECTUAL MYSTICISM AS A POSSIBLE PERSONAL CONTINUATION OF SCIENTISM

Abstract. The article examines the phenomenon of intellectual mysticism as a possible stage in the development of a scientific worldview. The author conducts a comparative analysis of scientism and intellectual mysticism, identifying their common foundation — an “ethos of reverence for Reason”. The primary difference lies in their methods of cognition: while classical scientism relies on positivistic clarity, measurability, and reproducibility, intellectual mysticism emerges through delving into unobservable realms (quantum physics, theoretical mathematics), where cognition relies on intuition, speculative constructs, and abstract thinking. The author concludes that intellectual mysticism can become a personal extension of scientism, allowing the scientist to retain scientific principles but complement them with a lofty, philosophical perspective on the structure of reality.

Keywords: intellectual mysticism, scientism, reason, knowledge, worldview, mathematical Platonism.

Citation Link: Bovykin K. A. (2026) Intellectual mysticism as a possible personal continuation of scientism, *Noospheric Studies*, no. 1, pp. 75—79.

© Бовыкин К. А., 2026

Ноосферные исследования. 2026. Вып. 1. С. 75—79 •

Интеллектуальный мистицизм возможен как личностное продолжение сциентизма во многом потому, что стоит на одном и том же базовом этосе, а именно этосе преклонения перед Разумом. Только вот сциентизм в основе своей опирается на позитивистскую версию науки, которая характеризуется некоторой простотой, наглядностью и воспроизводимостью. Также это способ мировосприятия отличается уверенностью в том, что наука как таковая — это чуть ли не единственный и наиболее важный путь к общественному благу. Конечно, многое упирается еще в само определение науки и сциентизм, например, советского варианта будет отличаться от западноевропейского. Но тем не менее общая суть сциентизма состоит в «обожещении» науки и всего, что с ней связано, с некоторым презрением к остальным способам мировосприятия.

У интеллектуального мистицизма, который уже имел свои аналоги в истории (платонизм, герметизм, культ Разума), есть некоторые отличия от сциентизма. Сама по себе эта форма мировосприятия отличается определенной религиозностью, от которой человеку в целом достаточно тяжело уйти. С одной стороны, это более возвышенное и утонченное мировидение, не всегда отличающееся наглядностью, что вроде как полагает считать его ненаучным. Но надо понимать, что в каком-то смысле интеллектуальный мистицизм и сциентизм являются достаточно близкими и родственными течениями. Ведь там, где радикальный позитивизм и сциентизм провозглашают наглядность, познание только начинается. А потом, чем дальше мы углубляемся в познание тайн окружающей действительности, тем больше остается того, что мы наблюдаем скорее в своем сознании благодаря всевозможным расчетам и прогнозам. Несложно своими глазами убедиться в базовых физических законах на основе экспериментов с понятным и осязаемым маятником. Но понять квантовый мир уже гораздо сложнее, ведь он практически ненаблюдаем. Сложно узреть то, что может быть мельче мельчайшей частицы света. Выходя за пределы света, мы выходим и за пределы видимости как таковой. И получается, что чем дальше, тем больше мы уходим в наблюдение посредством созерцания своих мыслительных конструкций, которым пытаемся найти подтверждение на практике или в виде каких-то побочных эффектов, которые мы еще в состоянии зафиксировать. И чем больше мы уходим в теорию такого рода, тем меньше мы имеем связи с наглядной и эмпирической действительностью, тем больше мы отдаем своему умению составлять слова и формулы, понимать их, пользоваться интуицией и абстрактными ощущениями.

И вот этот уход от наглядного и бытового, легко понимаемого мира в мир трактовок, интуиций и сложностей, уже предрасполагает нас к мистицизму. Отличительной чертой мистического мировосприятия являются его парадоксальность, сложность понимания, тяжесть его передачи другим и крайняя умозрительность. Даже если вам кажется, что вы видите мистическое явления «наяву», как правило, это все же очень сильно связано с деятельностью вашего сознания, ибо без мистика нет и мистики. Но при этом мистицизм гораздо более гибок и всеобъемлющ, чем строгая, наглядная и позитивистская научность. Он в состоянии говорить на одном языке с произведениями искусства и бессознательным человеком, и он же может описывать довольно сложные и слабо понятные концепты из еще непознанного человеком. Возможно, это связано с тем фактом, что чем более усложняется восприятие человека, тем меньше в нем чего-то простого, определенного и позитивного. На любой факт и пример находится обратный, каждая

теория начинает восприниматься как работающая на своих конкретных примерах. И в результате мы попадаем в мир полной множественности и иллюзорности, где каждый закон может перевернуться наизнанку и остается только чистое и не прикрытое никаким догматизмом познание вечно изменяющейся реальности. При этом подобного рода мистицизм не отрицает рациональность и логичность, он скорее дополняет и раскрывает их.

Но почему же не считать это познание в том числе и мистическим? Углубляясь в такого рода восприятие, ученые порой говорят, что они начинают верить в некий идеальный мир вечных принципов, который существует независимо от нашего и с которым мы можем лишь соприкоснуться [Яковлев, 2017: 47—49]. Есть точка зрения, согласно которой мистическое мировосприятие биологически близко к напряженному творческому познанию, что оно часто сопровождает опыт разрыва с повседневной реальностью и выстраивания новых связей [Волкова, 2012: 90—91]. Это отчасти объясняет саму этимологию термина «религия», которая идет от слова *religare*, что значит «связывать».

Возможно, что, достигая высшей ступени своего личного познания чего-либо, мы при этом обретаем возможность увидеть это в мистическом свете как воплощение своей трансценденции в иное. Можно увидеть религиозное в состоянии алкогольного опьянения или в посещении театра, о чем писал У. Джеймс [James, 1917: 257—259]. А можно увидеть религиозное и на войне, внезапно ощутив, что все столкновения и противоречия есть лишь части вечной божественной силы, что издавна наблюдает за развитием этого мира и восхваляет наиболее ярких его бойцов, что уже напоминает пусть скорее Эрнста Юнгера [Юнгер, 2025: 153—154]. У интеллектуального развития есть схожий путь. Изучая правила устройства реальности, видя их постоянную переменчивость и понимая, как все невероятно сложно устроено, даже последовательный позитивист и сциентист может прийти сначала к ощущению непознаваемости всего сущего, что есть дорога в агностицизм, а потом и увидеть интуитивно в этой текучей реальности проявление его личного Божественного. И именно таким путем даже ученый может прийти к мистицизму и стать его последовательным сторонником, не подвергнув при этом свою научность каким-то калечащим изменениям.

Если говорить о примерах тех ученых, которые в ходе своей карьеры совмещали научные и религиозные взгляды, то мы можем вспомнить, например, Эрвина Шредингера [Шредингер, 2000], Фритьофа Капру [Капра, 2017] и Паули Вольфганга [Varlaki, Nadai, Vokor, 2008]. Первый во многом вдохновлялся в своей научной практике идеями Веданты, второй же решил, что современная квантовая физика близка по своим положениям к восточной философии, а третий совместно с К. Г. Юнгом разработал концепцию синхронности, согласно которой сознание и материя неразделимо связаны и изменения в одной части затрагивают другую (это было выражением его идеи «духа материи»).

Помимо этого, довольно популярна еще такая вещь, как математический платонизм. Согласно этой мировоззренческой позиции, все математические и геометрические сущности имеют собственное, самодостаточное бытие. Иными словами, числа и фигуры становятся не просто способами описать действительность и отрешенными абстракциями, они становятся самостоятельными предметами в глазах последователей такого взгляда на мир.

В статье В. А. Яковлева упомянут целый ряд таких ученых. «Платонистами были Галилей (“Книга природы написана на языке математики”, Кронекер (“Натуральный ряд чисел дан Богом”), Кантор (“В множествах выражается актуальная бесконечность”), Герц (“Уравнения Максвелла продиктованы Богом”). Из математиков XX века назовем Гёделя, Поля Эрдоса (“Существует божественная книга, где записаны все лучшие доказательства”). Тот же Роджер Пенроуз¹ утверждает, что математические идеи существуют как бы вне времени и независимо от людей, что платоновский мир идей — это та реальность, куда проникает ум человека в творческом вдохновении». «Я не скрываю, — пишет ученый, — что практически целиком отдаю предпочтение платонистской точке зрения, согласно которой математическая истина абсолютна и вечна, является внешней по отношению к любой теории и не базируется ни на каком “рукотворном” критерии; а математические объекты обладают свойством собственного вечного существования, не зависящего ни от человеческого общества, ни от конкретного физического объекта» [Яковлев, 2017: 49].

Похожие упоминания обнаруживаются и в статье В. В. Целищева: «Не менее характерным “платонистским” признанием является высказывание английского математика Г. Харди²: “Я убежден в том, что математическая реальность лежит вне нас, что наша функция состоит в том, чтобы открывать или обозревать ее, и что теоремы, которые мы доказываем или великоречиво описываем как наши творения, по существу представляют собой наши заметки о наблюдениях математической реальности. Эту точку зрения в той или иной форме разделяли многие философы самого высокого ранга, начиная с Платона”» [Целищев, 2014: 496—497].

Как мы можем понять, сциентизмом подобные взгляды не назвать, потому что как минимум они отрицают материализм, но при этом здесь мы видим явно не религию в классическом ее понимании. В результате можно констатировать, что по мере своего творческого развития ученый и вправду может прийти от сциентизма и атеизма к определенной форме платонизма, выраженной в интеллектуальном мистицизме.

Библиографический список / References

- Волкова А. Н. Естественнаучные механизмы мистического опыта // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2, вып. 4. С. 86—94.
(Volkova A. N. Natural scientific mechanisms of mystical experience, *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2012, vol. 2, no. 4, pp. 86—94. — In Russ.)
- Капра Ф. Дао физики. Исследование параллелей между современной физикой и восточной философией. М.: Миф, 2017. 368 с.
(Capra F. *The Tao of Physics: A Study of Parallels between Modern Physics and Eastern Philosophy*, Moscow, 2017, 368 p. — In Russ.)
- Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2011. 688 с.

¹ Более подробно о позиции мыслителя см.: [Пенроуз, 2011].

² Более подробно о позиции мыслителя см.: [Харди, 2022].

(Penrose R. *Shadows of the Mind: A Search for the Missing Science of Consciousness*, Moscow, 2011, 688 p. — In Russ.)

Харди Г. Г. Апология математика. М.: АСТ, 2022. 160 с.
(Hardy G. G. *Apology of a Mathematician*, Moscow, 2022, 160 p. — In Russ.)

Целищев В. В. Математический платонизм // *Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 492—504.
(Tselishchev V. V. *Mathematical Platonism, Scholae. Philosophical antiquity and the classical tradition*, 2014, vol. 8, no. 2, pp. 492—504. — In Russ.)

Шредингер Э. Разум и материя. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2000. 96 с.
(Schrödinger E. *Mind and Matter*, Izhevsk, 2000, 96 p. — In Russ.)

Юнгер Э. Борьба как внутреннее переживание. М.: Копьеносец, 2025. 158 с.
(Junger E. *Struggle as an Inner Experience*, Moscow, 2025, 158 p. — In Russ.)

Яковлев В. А. Теория креативности Платона в свете современной науки // *Философия и культура*. 2017. Вып. 6. С. 44—55.
(Yakovlev V. A. *Plato's theory of creativity in the light of modern science, Philosophy and Culture*, 2017, no. 6, pp. 44—55. — In Russ.)

James W. *Varieties of Religious Experience: A Study in Human Nature Being the Gifford Lectures on Natural Religion Delivered at Edinburgh in 1901—1902*, New York, London, Bombay, Calcutta, and Madras: Longmans, Green, and Co, 1917, 374 p.

Varlaki P., Nadai L., Bokor J. Number Archetypes and Background Control Theory Concerning the Fine Structure Constant, *Acta Polytechnica Hungarica*, 2008, vol. 5, no. 2, pp. 71—104.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 20.01.2026; принята к публикации 17.02.2026.

The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 20.01.2026; accepted for publication 17.02.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Бовыкин Кирилл Александрович — аспирант кафедры философии, Ярославский государственный педагогический университет, преподаватель кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия, bowykin.kirill2011@yandex.ru

Bovykin Kirill Alexandrovich — postgraduate student, Philosophy Department, Yaroslavl State Pedagogical University; lecturer, History and Philosophy Department, Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russian Federation, bowykin.kirill2011@yandex.ru